

Рустам Мирзаев

В махалле – чайхана,
в чайхане – самовар

Рустам Сайдулаевич
Мирзаев – доктор
политических наук
(Ташкент).

В чайхане пьют чай. Это заведение степенное, не любящее суеты. Ведь суетливый джигит подобен козе. В чайхане редко раздаются громкие возбуждённые голоса, случаются ссоры, а тем более слышится брань. Конечно, и здесь, бывает, «выясняют отношения», но тоном, как правило, мирным.

Чайханщик в квартале – фигура заметная. Вот его собирательный портрет: средних лет, рослый, полный, но не толстый. Лицо круглое, добродушное, не всегда весёлое, но неизменно приветливое. Всех знает, со всеми знаком. Лишнего не говорит и с непрошенными замечаниями не лезет. Но если попросят, всегда готов дать дельный совет. А добрый совет, как известно, – половина счастья. Разумеется, чайханщик хорошо помнит дедовский наказ: не экономь на заварке!

Центр чайханы – самовар, который все называют русским. Он и есть русский, вполне вероятно, что вековой давности, чаще всего тульский, с медалями на боках за какие-то выставки. И если с трудом, но всё-таки можно представить себе чайхану без чайханщика (так сказать, на самообслуживании), то без самовара никак нельзя. Он давно потеснил все другие виды «нагревательных приборов», и не видно, чтобы кто-нибудь покусился на кругобокое медного красавца.

Чайхана обычно располагается в живописном месте, под раскидистыми кронами деревьев, над полноводным арыком или на берегу уютного водоёма – *хауза*. Непременный атрибут чайханы – клетка, в которой перепёлка-*бедана* своим нежным пением создает умиротворяющую атмосферу, располагающую к отдыху и неспешной беседе.

Недаром художники любят посещать чайхану. Тут тебе и красивая натура, и колоритные типы, которые, кстати, спокойно пьют чай и никуда не торопятся. Известный ташкентский художник-авангардист Александр Волков, живший в первой половине XX века, автор знаменитой «Гранатовой чайханы», посвятил чайхане целое стихотворение:

Фергана – инжир и гранат.
Песни петь о тебе я так рад.
И под арбенный сладостный скрип
Голос мой от восторга охрип.
Фергана – инжир и гранат.

Чайханэ – бедана и палас.
Над землею развешан *адрас*¹,
И висит посредине поднос,
Много золота мне он принёс.
Чайханэ – бедана и палас.

¹ *Адрас* – национальная шёлковая ткань.

В наше время чай пьют миллионы людей, и разброс их вкусов значителен – от обычая тибетских кочевников заваривать плиточный чай прямо в котле и добавлять туда молоко, масло, соль, поджаренную муку, курдючное сало, вяленое мясо и ещё бог знает что, – до церемониального японского чаепития, когда особый сорт чая, истёртый в тонкий порошок, заваривается в небольшом объёме воды на дне чашки и взбивается бамбуковой кисточкой до состояния пены.

Но всё это скорее экзотика. А в любой добропорядочной азиатской чайхане вам подадут горячий чай в фарфоровом заварном чайнике с крышечкой, по желанию чёрный или зелёный. Знатоки до сих пор сравнивают их достоинства, но исторически сложилось так, что зелёный чай больше пьют на Востоке, а чёрный – на Западе. Жители Средней Азии считают, что европейцы много теряют оттого, что пьют сладкий, в особенности с сахаром, чай.

Говорят, домашние секреты узнают на базаре. На базаре много о чём говорят, вот только обсуждать новости там не место – слишком шумно и оживлённо. Другое дело – чайхана. Такое уж это заведение, самой судьбой предназначенное для неторопливой, обстоятельной беседы. Предметом обсуждения может быть всё, доступное разуму человека: и виды на урожай хлопка, и динамика цен на скот, и какие нынче в ходу товары, и куда лучше поехать отдыхать, и поведение нового участкового, и уровень развлекательных программ на телевидении, словом – от текущих забот до высокой международной политики. И почти в каж-

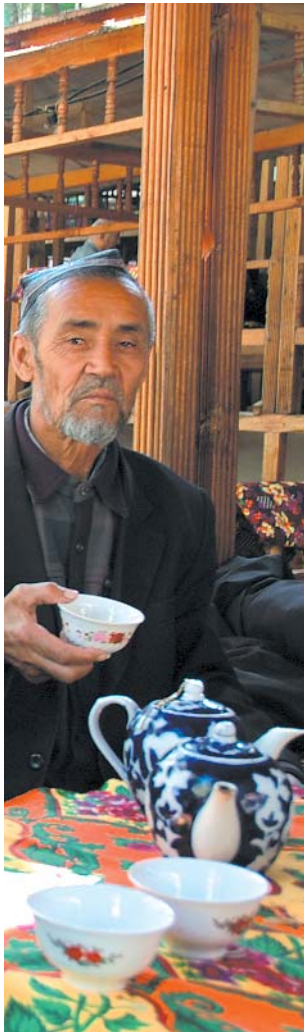
// осень 2008 //

дой чайхане есть свой авторитетный аксакал, или, как теперь говорят, – неформальный лидер, который наилучшим образом выражает мнение общности.

Чайхана выполняет ещё одну важную функцию: в своём квартале она, как правило, служит общественным центром *махалли* – общины, основанной на полной самостоятельности и самоуправления. Вплоть до начала XX в. махалиями, как правило, селились ремесленники, объединённые одной профессией. Тогда махалли даже имели названия: оружейников, седельщиков, ткачей и т.д. Советская власть, похоже, так и не смогла определиться в отношении махалли. С одной стороны, вроде коллективное творчество масс. Но с другой – как бы пережиток прошлого. Власть не запрещала, но и не особенно жаловала эти «общинные отношения».

В сегодняшнем Узбекистане махалля нашла своё органичное место в устройстве общества как самобытная форма местной демократии. Махалля – учреждение своеобразное. Оно не имело раз и навсегда установленного числа дворов и определённой территории. В былые времена, например, считалось так: куда доносился голос муэдзина, созывающего на молитву, тот двор и считался принадлежностью ближайшей махалли.

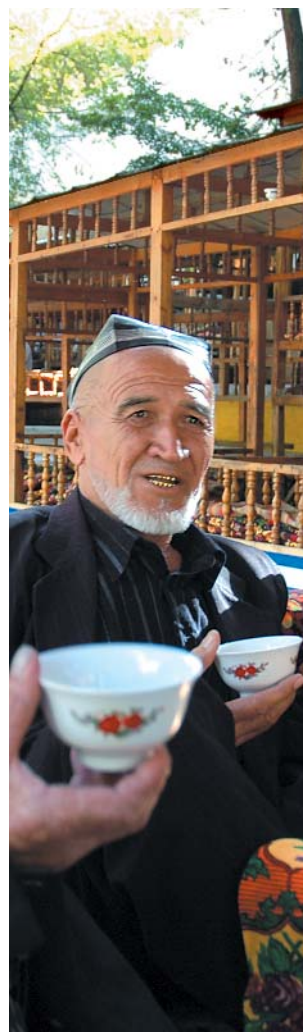
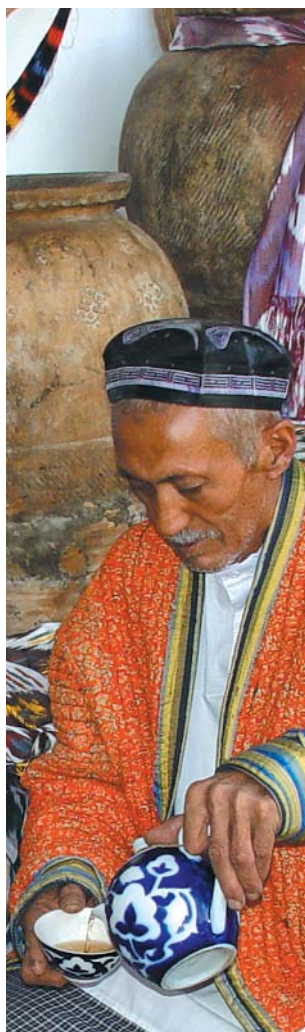
Только в Ташкенте действует свыше трёхсот подсобных общин, в каждой живёт примерно от пяти-сот до тысячи семей. Общины эти охватывают практически всю территорию республики и являются, по сути дела, фундаментом нового общественного устройства.

Весь «бюрократический аппарат» махалли – председатель и три советника, избираемые общим собранием жителей, которые, по идее, должны работать без всякого формализма. Некоторые председатели, например, встречаются с гражданами прямо в чайхане, сочетая таким образом приятное с полезным.

В принципе вход в общину свободный, но это вовсе не значит, что махалля – это проходной двор. Так, если вы захотите продать свой дом, то вы сначала должны предложить его своим родственникам, потом соседям, другим жителям махалли, и только после их отказа можете пустить дом в свободную продажу. Так махалля

оберегает свою самобытность от вторжения чужаков.

Интересы махалли обширны и многообразны. В круг её забот, в частности, входит организация и устройство главных в жизни общины событий – свадеб, похорон, поминок, праздников обрезания. Взять, к примеру, свадьбу. Ташкент – это не Москва, где на

свадьбу могут прийти два человека, включая жениха и невесту. Здесь двести-триста гостей – обычная вещь. И всех надо пригласить, усадить, накормить и проводить. Конечно, основные расходы несёт семья, родственники, но и помощь общины неоценима.

Иностранцы порой говорят: зачем все эти расходы, празднуйте по средствам. Что

тут сказать – обычай. Ведь недаром поэт предупреждал:

К чему бесплодно спорить с веком?

Обычай деспот меж людей.

Между прочим, восточным людям тоже может показаться вредным и разорительным, например, обычай европейцев пить вино в любое время дня и ночи.

Или взять похороны – важное и сложное дело, требующее строгого соблюдения всех традиций, что доступно далеко не каждому жителю. И здесь без участия махалли никак не обойтись.

Нельзя не сказать и о *хашаре* – восточном обычае коллективной взаимопомощи, когда жители махалли добровольно и бескорыстно помогают соседу в трудоёмкой работе, скажем, в строительстве дома.

Но махалля – не общество взаимопомощи. У общины есть и надзорные, и воспитательные функции. Дети здесь подрас-

тают под всеобщим присмотром и воспитываются в духе послушания и почитания старших. Не обходит своим вниманием община и взрослых, требуя от них уважения и соблюдения обычаев и традиций. Разумеется, в этом есть доля консерватизма, но здоровый консерватизм необходим любому обществу, если оно хочет быть устойчивым и прочным, а не колебаться под влиянием модных веяний. Обычно община не вторгается в частную жизнь, но если конфликт в доме вышел за порог, то здесь вмешательство считается необходимым.

Для Узбекистана характерна большая оседлость населения, незначительная миграция его жителей. Большинство постоянно живёт в родных местах. С полным основанием можно сказать: «Человек рождается и живёт в махалле. И махалля провожает его в последний путь».

Фото автора.

